

Я рассказчик даже в романах

Культура. — 2004. — 26 авг. — 1 сент. — с. 4

Андрей ВОЛОС — один из самых известных российских писателей среднего поколения, автор романов “Хуррамабад”, “Маскавская Мекка”, “Недвижимость”, лауреат Госпремии России, премий Фонда “Знамя”, “Москва-Пенне”, “Антибукер”. Сейчас в издательстве “Зебра Е” готовится к выходу собрание сочинений Андрея Волоса, куда войдут почти все его произведения.

— Андрей, в одной своей шутилой автобиографии вы говорили о том, что желание быть писателем в юности буквально не давало вам покоя, а с годами почти пропало. Что для вас писательство сегодня — профессия, образ жизни или?..

— Поскольку я не сделался профессионалом в том смысле, что не живу с писательства, а зарабатываю на хлеб совершенно посторонними вещами, то, наверное, это просто хобби.

— По вашему мнению, сейчас в России подходящее время для того, чтобы быть писателем?

— Писателей не казнят и в тюрьму не сажают — это уже хорошо. Правда, иногда возникают кампании против литераторов, и группа товарищей, называющая себя “Идущие вместе”, пытается насильно обменять “неправильные” книги на “правильные”, но не думаю, что нужно воспринимать это всерьез. В целом, повторю, сейчас время, для писателей вполне благоприятное.

— То есть должжданная свобода наступила?

— Писатель никогда не бывает полностью свободен. Он несвободен уже потому, что ему требуются читатели и, соответственно, приходится думать о том, чтобы его печатали. И поскольку в силу своей нищеты писатель не может делать это сам, он вынужден думать об издателях, о продаваемости своих книг и в той или иной степени ориентироваться на общественный вкус.

— А вообще, на ваш взгляд, писатель больше зависит от себя или от общества, в котором живет?

— А как можно измерить эту зависимость? Любому человеку трудно оторваться от общества и тем более от самого себя. Писатель, как прави-



А. Волос

ло, пишет о том, что видит, и главное его отличие от всех остальных людей как раз в том, что он не может не писать. Причем толстовское “не могу молчать” не обязательно трактовать как бунтарство, потребность обнажать язвы общества. Есть люди (и их немало), которые не могут не писать о себе, так в них все бурлит и пенится. И история литературы знает огромное количество примеров, когда такой личностный текст становился интересен самой широкой читательской аудитории и выводил на глобальные обобщения социального характера.

— Но вы-то как раз являетесь автором очень социально заряженных произведений. Роман “Хуррамабад” повествует о трагедии народов в разрушающейся империи, а “Маскавская Мекка” анализирует, к чему страну может привести симбиоз коммунизма и капитализма.

— Мне кажется, социальность того

или иного писателя — это вопрос его личного развития. И в моем случае это видно по “Хуррамабаду”, который складывался очень постепенно из самостоятельных текстов. Главы, появлявшиеся первыми, гораздо менее социальные, чем последние. В какой-то момент мне стало понятно, что не все можно показать на примере одной семьи и одного похода на кладбище, — вокруг происходило слишком много событий, которые, по большому счету, этим походам препятствовали.

Хотя, знаете, я вот вспомнил, что и первая моя большая вещь тоже была социально окрашена. Это повесть “Брошь”, написанная в году 1980-м и так и не опубликованная. Ее главный герой — молодой художник — попал в компанию спекулянтов, где своровал брошь, рассчитывая, что продаст ее и освободится наконец от необходимости ходить на службу, будет писать картины. Потом выясняется, что брошь поддельная... То есть выходит,

что уже в те давние годы я (говоря для истории) пытался быть писателем высокого социального накала.

— С другой стороны, начинали-то вы как поэт...

— Да, это так. Первая публикация была в журнале “Памир” в 1979 году. В 1988 году в душанбинском издательстве “Адиб” вышла книжечка стихотворений “Старое Шоссе” — это был такой сборник поэтических книг, четыре в одном томике. Стихи я и сейчас тайком полисываю, но это, как правило, стихи на случай. Впрочем, именно по случаю появляются подчас не самые плохие произведения... Твердо могу сказать, что новой книги стихов у меня уже не будет. Но, возможно, я вставлю несколько стихотворений в книгу под названием “Жестяная дудка”. К этому есть повод: герой одноименной повести — поэт, и я могу схитрить и приписать свои вирши ему.

— Я читала “Жестяную дудку” в рукописи, это очень грустная и даже мрачная вещь. И мне показалось, что вы вообще в своем творчестве довольно пессимистичны. Тем удивительнее было читать роман “Недвижимость”, который по началу совсем не заставляет надеяться на лучшее, но имеет неожиданно светлый и в чем-то даже смешной финал...

— Я писал “Недвижимость” по некоторому скорее музыкальному, чем словесному плану. По мере развития событий звучание должно было становиться все более тревожным и, в конце концов, оборваться на самой высокой и трагической ноте. Я поначалу так и поступил, и все кончилось ужасно — женщина выпрыгнула из окна. Я поставил точку, обогатил мир еще одним трупом, и, признаюсь, сразу после этого впал в неспокойное и мрачное настроение... Даже бутылка вина, выпитая по поводу постановки этой самой точки, меня не развеселила. А при этом я слушал песни Юрия Визбора. И одна из них, которую прежде я, видимо, как-то не до конца был способен услышать, меня неожиданно поразила. Речь в ней о том, что самолет на учениях терпит бедствие и пилоту командуют с земли, чтобы он катапультировался, а он отвечает, что не может этого сделать, так как летит над жилым массивом. И с каждым куплетом все хуже и хуже идет дело, и уже, казалось бы, полная безысходность, но в последнем четверостишии выясняется, что он все-таки благополучно сел. Меня так это прошибло, что я схва-

тился за перо и все в окончании “Недвижимости” переделал. И после самой высокой и трагической ноты действительно появился немого смешной финал, в котором выясняется, что это была дурацкая шутка и все на самом деле живы-здоровы.

Меня часто спрашивают, должен ли писатель быть оптимистом... Мне кажется, что в самую первую очередь писатель должен уметь создавать явления искусства — то есть такие произведения, которые способны вызвать в читателе сопереживание, дать ему возможность познать чувства, которых он не знал раньше, обогатить новыми искренними эмоциями. Ведь только с помощью искусства человек узнает правду непосредственно, без каких-либо рассуждений и уговоров в эти рассуждения поверить.

— Вас не обижает, когда “Недвижимость”, главный герой которой — риелтор — на протяжении всего произведения занимается покупкой и продажей квартир, называет производственным романом?

— Нет, напротив, это кажется мне похвалой. Во-первых, производственный роман написать не так уж просто. Во-вторых, элементы описания тех или иных производств, тех или иных технологий присутствуют практически во всех ярких литературных произведениях. Вот, скажем, “Игрок” — ярко выраженный производственный роман, поскольку в нем скрупулезно точно описана технология игорного заведения, вокруг которого крутится все дело. О “Воине и мире” или “Воскресении” нечего и говорить... Производством чего бы то ни было — войны, мира, преступления, наказания, гаек, квартир, нефтепродуктов, — это для писателя неисчерпаемый кладезь конфликтов, коллизий, типажей и персонажей. У меня, к счастью, в силу образования и опыта работы есть возможность время от времени погружаться в какое-нибудь производство. Дело это, конечно, хлопотное, суетное, и непременно тобой начинает кто-нибудь командовать, но выныриваешь обновленный, и весь мир людей как на ладони.

— Насколько я понимаю, роман “Маскавская Мекка” будет издан в новой редакции. Он написан в жанре антиутопии. Чем был обусловлен выбор именно этого жанра?

— Это произошло почти без моего участия. Роман складывался очень трудно, именно складывался, а не писался, и прожил долгую геологическую жизнь, то, что мы видим, самый

верхний слой отложений, а под ним три-четыре пласта, которые в свое время тоже были окончательными версиями текста. В его судьбу вмешалась история: 91-й год погубил первую редакцию, 93-й — вторую. Говоря словами Довлатова, жизнь опережала мечту. Происходящее в реальности так быстро меняло контекст, что на его фоне мои выдумки становились совершенно нелепыми. Но я так и не бросил этот сюжет. В первую очередь потому, что тема коммунизма в России по-прежнему представляется мне очень серьезной. Боюсь, что коммунизм еще принесет свои плоды в будущем, и в романе, собственно, мы это видим.

— Так и хочется возразить вам: пугающие плоды капитализма в романе тоже нашли свое отражение. Вообще есть строй, который нам подходит?

— Я, как и многие, страдаю чем-то вроде социальной циклотимии: то мне кажется, что все у нас просто замечательно и жизнь становится все лучше и лучше, то впадаю в пессимизм, когда, кроме мрачных, совершенно обезнадеживающих высказываний русских классиков о судьбе нашего несчастного отечества, на ум ничто не идет. Живем мы, конечно, в разоренной стране, спору нет, но больше всего меня пугает не сам разор, а то, что борьба с этим разором почти всегда приводит к противоположному результату. Вот, например, Германия двенадцать лет провела под Гитлером, затем была практически стерта с лица земли, затем еще десять лет — и она восстановилась, как птица Феникс из исторического пепла. А у нас?.. Вообще, такое чувство, что в России нельзя совершать разумных шагов по ее устройству, потому что все, что кажется верным и логичным, попадая на ее почву, приносит совершенно не те плоды, каких можно было бы ожидать. Посеял морковь — почему-то вырос подорожник. Сажали репу — собрали польну...

А насчет подходящего строя скажу честно: не знаю. Ныне дело обстоит плохо. Где ни копнешь — всюду хищничество, нежелание собственника думать о завтрашнем дне. Но и для оптимизма есть основания, и одно из них — это русская классическая литература. Ведь стоит лишь оглянуться кругом — батюшки-светы, сколько лет прошло, сколько воды утекло, а Чичиков — вот он, а Манилов — пожалуйста, а губернатор с оргачником вместо головы — всегда на

месте! То есть все как было, а раз все как было, значит, нас и впрямь победить нельзя.

— Любый профессионально работающий писатель сегодня может похвастаться литературными премиями. У вас их целый букет. Имеют ли премии в современном литературном процессе какое-то значение и вес? Облегчают ли путь к читателю?

— Не знаю. Подмывает сказать, что не имеют. Добавлю: для меня не имеют. Кроме, конечно, финансовой составляющей. Разве я стал лучше писать, получив ту или иную премию? Нет, конечно, не стал. Что касается пути к читателю, то, возможно, кому-то премии облегчают этот путь, и слава Богу. Что до меня, то ни одна из моих премий не инициировала обращения издателей ко мне с предложением что-нибудь напечатать.

— В составе собрания сочинений издательство “Зебра Е” выпустит и два сборника ваших рассказов, с которыми широкая читательская аудитория пока не знакома. Что для вас жанр рассказа?

— Я рассказчик даже в романах. “Хуррамабад” — это просто серия рассказов, но не сборник их, а книга. К сожалению, жанр рассказа низведен в настоящее время до почти полного уничтожения. Издатель хочет роман — так пусть его получит! Лично я не менее десяти лет не мог найти человека, который бы даже задаром хотел напечатать мои рассказы (правда, всегда есть опасение услышать после такого откровения: “Писал бы получше, вот и печатали бы!”). Есть еще одно важное обстоятельство. Рассказы западные сильно отличаются от рассказов (чуть не сказал восточных) русских. Каждый из нас отличит “Дары волхвов” от “Трали-вали”. В чем отличие? Западный рассказ даже на нижней планке представляет собой более или менее стройное, всегда читаемое произведение, в котором есть завязка, кульминация, развязка, — и поэтому он, безусловно, потребляет. Русский рассказ, как правило, ничем из перечисленного не обладает. Поэтому он либо совершенно гениален (и западному сто очков вперед даст), либо (как правило), к сожалению, абсолютно бездарен и беспомощен.